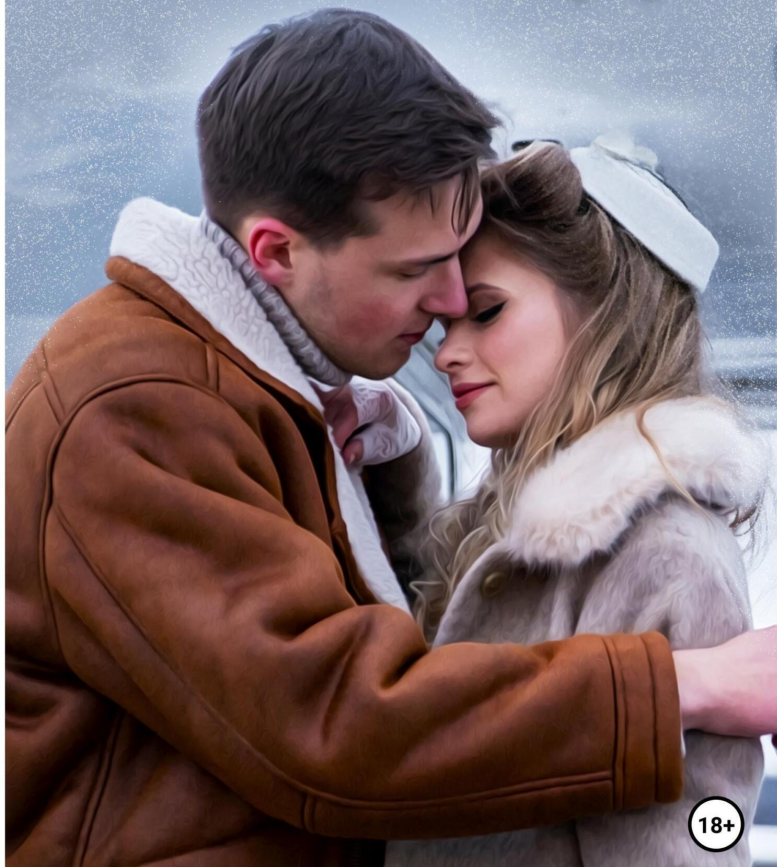

ДИАНА СТАВРОГИНА

НЕПОГОДА

18+

Диана Ставрогина

Непогода

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68559433

SelfPub; 2023

Аннотация

«Мы разводимся», – у меня осталось меньше месяца, чтобы произнести два этих слова вслух и в присутствии мужа. И я боюсь. Не потому, что Антон не захочет меня отпускать – напротив, я знаю, что он легко переживет наше расставание. Я боюсь, что он пожелает узнать причину.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	28
Глава 7	38
Глава 8	44
Глава 9	50
Глава 10	57
Глава 11	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Диана Ставрогина

Непогода

Глава 1

В спальне было совсем темно. Шторы-блэкаут задернуты, ночник выключен – все не моими руками. Цейтнот всегда делал меня невнимательной к деталям, а паника лишала рассудительности. Неудивительно, что едва в дверном звонке заскрежетал ключ, сидевшая на диване я бросила плед и рванула к кровати, на ходу ударяя по выключателю в гостиной.

Пуховое одеяло служило надежным укрытием, ничуть не потеряв своей волшебной силы со времен моего детства, и плевать, что без включенного кондиционера прятаться под ним равноценно посещению сауны или визиту в пустыню. Лучше немного пропотеть, чем прямо сейчас посмотреть в самые прекрасные на свете серо-зеленые глаза с редкими голубыми крапинками.

Я просто не смогу.

Поэтому я притворяюсь спящей и пытаюсь отдышаться под тихие звуки, доносящиеся из прихожей: приглушенный хлопок закрывшейся двери, шорох задевшего стену чемодана, стук упавших на кафельный пол туфель, чертыхающийся шепотом голос, от которого по телу разбегаются мурашки.

Спасибо новостройкам класса «эконом»: хорошо и прятаться, и ничего не упускать из виду.

Я слышу шаги, но не смыкаю глаз. Еще рано.

Через полуоткрытую дверь на кровать падает пятно света из гостиной.

«Вера?» – зовет Антон растерянно, будто по возвращению из командировки всерьез ждал теплой встречи (смешно, он к ним совершенно равнодушен).

Не без труда храня молчание, я неожиданно понимаю, что сама того не зная, вполне могла спалиться: что, если на улице он успел заметить в окнах свет? От накрывшего стыда ускоряется биение сердца, и то подпрыгивает почти в горле.

Наверное, сейчас мои заполошные вдохи и выдохи прекрасно слышны во всей квартире.

«Уснула», – звучит совсем рядом разочарованный голос Антона.

Я мигом закрываю глаза, успев заметить нависшую надо мной тень. Под плотно сжатые веки проникает свет: отойдя от дверного проема, Антон, явно стараясь не шуметь, перемещается по спальне.

Разъезжаются туда и обратно створки платяного шкафа, раздаются два щелчка выключателей – по отдаленности шагов и движению света под глазами я догадываюсь, что один из них – в гостиной, а второй в ванной, и минуту спустя спальня погружается во мрак. Из-за закрытой двери льется шум включенного на полную душа.

Я лежала в кровати, боясь пошевелиться и потеряв счет времени. Воздуха не хватало, но сил отбросить одеяло и вынырнуть навстречу прохладе и кислороду не было. Каждая клеточка моего парализованного страданием тела ныла, охваченная тоской, которую, казалось бы, не составило труда унять – живительный источник находился лишь в десятке шагов, но...

Иногда получить желаемое невозможно.

Гипнотизирующий шум падающей воды прекратился. В спальню вернулся Антон, и я малодушно порадовалась, что лежу к его половине кровати спиной и точно не рискую, не выдержав, наконец воспользоваться предоставленной возможностью его увидеть.

Откинув одеяло, он забрался на постель. На грани слышимости заработал кондиционер и раздался щелчок блокировки телефона. Тяжело вздохнув, Антон лег.

Ужасно хотелось обернуться, выдать себя, сказать хотя бы несколько фраз. Мы не виделись целых три дня, обмениваясь лишь сухими сообщениями в мессенджере. Впрочем, переписка избавляла от многих проблем и дарила приятную свободу в проявлении чувств и эмоций.

С недавних пор я не могу смотреть Антону в глаза. Я не хочу, чтобы он все понял.

Еще два месяца назад все было хорошо. Наш молодой брак казался спокойным и крепким. Пусть небогатым на романтическую эйфорию, но надежным. А потом все измени-

лось.

Подушка подо мной постепенно мокнет, пока я неосознанно дышу с Антоном в такт и задавливаю стремящиеся выйти в мир всхлипы и чувства.

Наш брак больше не представляется мне хорошей идеей. И я так не могу. Я хочу вернуть свою прежнюю жизнь и спокойствие.

Три недели – и эта нестерпимая, выворачивающая душу и тело боль прекратится.

У меня есть ровно три недели, чтобы сказать Антону правду.

Но как?

Ведь в первую очередь этими словами я убью себя.

Глава 2

Я просыпаюсь первой. Тяжелая и горячая рука Антона лежит на моей талии, забравшись под пижамную майку и касаясь голой кожи. Кончики его пальцев покоятся в миллиметре от основания груди, и этого намека на ласку вполне достаточно для моего тела. С каждой новой секундой бодрствования я все отчетливее ощущаю, как внутри дрожащим хрусталем вибрируют тоска и желание, импульсами пробегая по нервным окончаниям и прицельно ударяя в мозг.

Подниматься с постели совершенно не хочется: слишком редка наша с Антоном близость. Он вовсе не кинестетик а вот я, кажется, более чем.

Хуже всего, что любое его прикосновение делает меня уязвимой и слабой. Наслаждаясь и тая в минуту близости с мужем, я вместе с тем всегда чувствую себя растоптанной и униженной. Нуждающейся.

Ничтожной.

Наконец, усилиями воли и гордости мне удастся сдвинуться с места и выбраться из-под руки Антона и одеяла. Полученное благодаря пробуждению до звонка будильника временное преимущество почти истекло.

Часто моргая в попытке вернуть ясность зрения красным после вчерашней долгой работы за ноутбуком глазам, я плетусь в ванную и встаю под душ. В голове неохотно просы-

паются мысли и занимают положенные им места, на первый план выходят материалы для сегодняшних лекций и семинаров, что мне предстоит провести уже через пару часов.

В очередной раз за прожитые годы я радуюсь работе: преподавание и научная деятельность – два кита, на которых держится стабильность моего существования. Когда вокруг разлад, бесконечная необходимость поиска истины придает смысл даже самым тяжелым дням.

К тому же есть мои прекрасные студентки и студенты: светлые умы, не прекращающие удивлять меня как своими интеллектуальными достижениями, так и проявлениями своего внутреннего мира. Даже не достигнув еще тридцатилетия, я вижу разницу между нами, и та вселяет мне, все более пессимистично настроенной по поводу судьбы мира, надежду на свет.

Я знаю, совсем скоро работа станет моим главным спасением. По утрам, стоя под мощными водными струями, я учусь принятию. Жаль, что побыть в душе, где мне спокойнее всего думается и чувствуется, полдня невозможно.

Замотав влажные после мытья волосы в полотенце и измазавшись кремами с головы до кончиков ног, я иду на кухню, не задерживаясь в спальне, как бы ни хотелось полюбоваться спящим Антоном. Занятие, к слову, не только несвоевременное, если требуется приехать в институт к первой паре, но и рискованное: он всегда просыпается под моим взглядом.

На кухне мне удастся отвлечься на сериал (с моими вечно

уставшими глазами читать за завтраком в последнее время едва ли возможно) и готовку. Пока на экране Кэрри Брэдшоу вещает о делах одной из своих подруг, а рядом капельная кофеварка издает довольно неприличные звуки, выплевывая из себя черный живительный эликсир, я жарю сырники.

– Доброе утро. – Раздается у меня за спиной голос Антона, немного приглушенный и шероховатый ото сна.

Слабо вздрогнув от неожиданности, я торопливо накрываю сковороду с шипящими в масле сырниками крышкой и оборачиваюсь к мужу с улыбкой на лице.

– Привет. Уже выспался?

Кажется, Антон еще даже не умывался: лицо помятое, волосы взъерошены; осоловело моргая, он трясет головой, сбрасывая сонливость, и пожимает плечами:

– Хрен его знает. Подскочил ни с того ни сего. Унюхал запах еды и пришел.

Я смеюсь и поспешно возвращаюсь к готовке, о которой почти забыла.

– Ф-у-ух, – выдыхаю я с облегчением, убедившись, что ничего не подгорело, – едва не спалила сырники.

– Не лишай мужа завтрака, – шутит Антон и протяжно зевает. – Наверное, поем и пойду снова спать. Тебе помочь?

– Можешь разлить кофе. – Я достаю тарелки. – Уже все готово, сейчас положу.

Антон проходит мимо, едва задевая верх моего плеча рукавом собственной футболки. Я мигом покрываюсь мураш-

ками: этот случайный контакт приятен, но совершенно недостаточен. Мне ужасно хочется, чтобы Антон обнял меня со спины и поцеловал, но мы не идиллические персонажи из рекламы...

– Во сколько вернешься? – спрашивает он, когда мы садимся за стол.

– У меня две лекции и семинар. Думаю, к четырем буду дома. Над статьей я могу и здесь поработать. Спи спокойно, я не буду шуметь.

Антон улыбается и делает глоток кофе.

– Вряд ли я просплю так долго. Вернешься, поужинаем вместе. Нужно что-то купить, пока я выходной?

– Да нет, – я отрицательно качаю головой. – Буквально вчера была в ТЦ и все купила.

Даже не успев притронуться к еде, Антон встает из-за стола и подходит к холодильнику, порывисто и, кажется, немного зло, распахивает дверцы и молча осматривает полки. Я слышу его тяжелый вздох.

– И ты все это сама тащила? Зачем, Вер?

– Мне было по пути, – отвечаю я непринужденно, хотя прекрасно понимаю, чем именно недоволен Антон. – Да и не тяжело, я пешком-то шла минут пять всего, остальное время ехала.

Дверь холодильника ударяется о корпус явно сильнее, чем требуется.

– Все равно. – Антон возвращается за стол и смотрит на

меня тяжелым взглядом. – Нельзя было заказать доставку? Мы же договаривались, что ты не таскаешь кучу пакетов – для это есть курьеры или я.

– Не заводись, – прошу я спокойно. – Просто так получилось: доставку вчера пришлось бы долго ждать, а я уже была в магазине. Тем более ты должен был вернуться со дня на день, а еды нет. И мне не хотелось тебя напрягать в первый же день.

– Я бы пережил пустой холодильник. – От Антона все еще веет раздражением. – Не нужно было.

Царящая в кухне атмосфере давит угрозой намечающегося из-за сущего пустяка скандала, и мысленно я скрещиваю пальцы, надеясь избежать идиотской ссоры в самом начале дня.

До брака ругань между супругами на почве бытовых вопросов оставалась для меня совершенно непонятной: разве два взрослых человека не могут заранее договориться о сферах ответственности и закрыть вопрос? Теперь было ясно, что ничего не убережет семью от бури, если внутри ее членов зреет потаенный конфликт.

Глава 3

К счастью, мы вновь предпочитаем, мысленно сгладив углы, не заметить царящего вокруг нас напряжения. Дальше завтрак проходит спокойно и по большей части под тихое бормотание телевизора. Я не очень внимательно смотрю сериал и незаинтересованно ковыряюсь в тарелке, пока Антон ест с аппетитом, периодически сонно моргая и зевая.

– Когда у тебя следующий рейс? – спрашиваю я сочувственно.

Никогда не думала, что у меня будет муж-пилот. До сих пор непривычно, что часть моей жизни сейчас плотно связана с авиацией, о которой я до не давних пор почти ничего не знала.

– Через два дня, – чуть заторможенно отвечает Антон.

– Понятно, – кивнув, про себя я снова с беспокойством думаю, что, стремясь скорее стать командиром, он чересчур много работает. Буквально на износ.

В авиакомпаниях между вторыми пилотами бешенная конкуренция, и, как и стоило ожидать, получить заветную должность трудно даже самым достойным из профессионалов. Непросто налетать нужное количество часов в разумные сроки. Непросто обратить внимание именно на свою кандидатуру, тем более без каких-либо связей в авиации, которых, насколько мне было известно, выросший в семье далеких

от неба и самолетов медиков Антон не имел. Поэтому работал он без продыху, пользуясь любой возможностью выйти в рейс.

К тому, что график его полетов легко может измениться, благодаря дополнительным сменам, я уже привыкла. Как и к ненормированным часам работы: даже в течение одной недели Антон иногда успевал отправиться в аэропорт то в двенадцать ночи, то в три утра, а то в шесть вечера.

Живя вместе, виделись мы не так уж и часто, особенно если экипаж после долгого полета оставался ночевать в гостинице другого города, дожидаясь обратного рейса. Год назад, начиная общаться с Антоном, я наивно сочла присущую его сфере деятельности занятость большим преимуществом: ничто не угрожало моему свободному времени, в разы меньше хлопот предвиделось в быту, да и для отношений, даже подобных нашим, недолгая разлука казалась полезным фактором.

Теперь... Теперь я безумно скучала. Мне не хватало общих вечеров и ночей, нормальных завтраков и совместных сборов на работу.

Я начинала понимать, почему Антон в первую же нашу встречу в кафе, куда мы пришли обсудить взаимные условия и пожелания, столь настойчиво делал акцент на своей работе, много раз подчеркнув, что его прошлые девушки вопреки всем заверениям и клятвам не выдерживали его графика и редких встреч.

– Кстати, – возобновляет он разговор, покончив с завтраком. – Ты подумала, куда мы поедem на праздники? Мне-таки обещают дать отпуск в январе.

– Я... – Интонация выдает мою растерянность, изобретать ложь приходится на скорую руку, и получается откровенно плохо: – Извини, если честно, я так завертелась на работе, что ничего еще не смотрела. – Последняя часть фразы правдива, но причина совсем не в преподавательской нагрузке. – Давай чуть позже решим, ладно? А то голова кругом. – Я поспешно встаю из-за стола, собираю посуду и несy к раковине, не глядя на Антона.

– Без проблем, – говорит он ровно, но отделаться от ощущения, что ему не по душе мой ответ, не получается. – Спасибо за завтрак.

Я киваю и наконец оборачиваюсь под звук проезжающих по кафельному полу ножек стула. Антон поднимается с места и заканчивает начатую мной уборку посуды.

Замерев, я едва дышу в ожидании его приближения. Мне стоило бы отодвинуться в сторону, освободить пространство перед посудомойкой, но желание напоследок почувствовать тепло его тела рядом со своим и втянуть поглубже его запах правит моими решениями наперекор разуму.

– Так, отойди чуток. – Ладонью Антон подталкивает меня левее: жест мимолетен и незначителен, но по коже все равно разбегаются мурашки, и я млею, как восьмиклассница на первом свидании. – Включить или еще подкопим?

Смысловое содержание озвученного вопроса доходит до моего мозга с таким явным опозданием, что от стыда и смущения загораются щеки.

– М-м, – выдаю я многозначительно. – Пусть еще постоит.

– Понял, – отвечает Антон, посматривая на меня с задумчивостью. – Все нормально?

– Да, конечно, – я улыбаюсь и как будто по инерции бросаю взгляд на настенные часы. – Блин, мне пора выходить.

Антон следом за мной проверяет время и лишь после согласно кивает.

– Окей, провожу тебя до порога и пойду спать.

Глава 4

Я еду в автобусе и смотрю в большое, покрытое длинными прозрачными каплями окно, за которым раскинулась серая, по-осеннему апатичная столица. На тротуарах под зонтами укрываются продрогшие и пропитавшиеся холодной сыростью пешеходы, на дороге нервно-сонным потоком движутся машины – и эта беспросветная атмосфера ноябрьского утра гипнотизирует, погружая сознание на особую глубину: там можно отыскать хотя бы чуточку тепла.

Воспоминания разворачиваются в моей голове осторожно, но вскоре не остается ничего, кроме ленты кадров из одного знакового дня. Случившегося год назад в по-летнему знойном мае.

Заняв столик в любимом кафе, удачно расположенном по линии пути к аэропорту, я с легким мандражем в крови ждала второго пилота Антона Романовича Вьюгина. Был вторник, но, свободная в этот день недели от работы в институте, я никуда не торопилась несмотря на приближающиеся защиты курсовых и выпускных работ, экзамены и целую уйму бюрократической волокиты по завершению учебного года. Мой будущий компаньон, как и предупреждал, опаздывал из-за задержки вылета, но в недавнем сообщении обещал явиться через десять минут.

Волнение щекотало нервы, но куда слабее, чем случилось

бы, определили мы эту встречу как свидание. Однако я и Антон единогласно условились на том, что начнем общение с деловой беседы за чашкой кофе: не хотелось усложнять то, что должно стать простым и эффективным решением нашей общей проблемы, завышенными ожиданиями.

– Привет, – прозвучало над моей головой, и я подняла взгляд от полупустого стакана с холодным лимонадом. – Прошу извинить за опоздание, у нас возникли технические проблемы перед вылетом.

Сказать по правде, я не предполагала, что появление незнакомца из приложения по поиску всякого рода отношений откликнется во мне так сразу и так ярко. С затаенной, однако типичной скукой, я ждала разочарования, что возникло после каждой попытки встретиться с кем-то из Сети, но вопреки традиции все пошло по иной, непривычной колее.

Молодой мужчина, возвышавшийся над выбранным мной столиком в полный рост, впечатлял. В темно-синего цвета форме пилота, придерживая рукой фуражку у груди, он совершенно спокойно встретил мой взгляд и вежливо улыбнулся, едва приподняв уголки губ.

Досадно, как очевидно и быстро я поняла, что мой светлый (в буквальном смысле) лик определенно его не покорила. Если у меня в голове совершенно неосознанно промелькнула мысль, что везение, кажется, решило расщедриться и подкинуть мне впервые за многие годы действительно привлекательного мужчину, то в его глазах я успела заметить усколь-

зающую тень былого предвкушения и интереса.

Похоже, что Антон, весь из себя красавчик-пилот, нафантазировал девушку-мечту, а теперь оказался вынужден мириться с суровой действительностью, то бишь симпатичной, но далеко не шикарной женщиной двадцати девяти лет отроду. Светлые длинные волосы, белесые ресницы и брови, сейчас подкрашенные, но не столь выразительно, как стоило бы, бледная кожа и стройная, но совсем не спортивная фигура, – вот, что он видел, и чем вряд ли можно поразить двадцатидевятилетнего мужчину, точно не лишенного внимания со стороны моих сестер по половому признаку.

Факт, что Антон Вьюгин популярен среди женщин, не ставился под сомнение: было достаточно окинуть его очередным взглядом с головы до ног. Впрочем, в переписке он и сам не скрывал, что с девушками как таковыми у него проблем не имелось никогда. К его легкой печали, из-за некоторых факторов даже дарованной ему природой прекрасной мордашки было недостаточно.

Я улыбаюсь плотно сомкнутыми, удерживающими незлой смехок губами: перед нашей встрече в кафе Антон мог переодеться в гражданку, но не стал, наверняка зная, как красит его форма пилота. Хотел произвести впечатление.

Что ж, ему это удалось. Мне, к сожалению, не очень.

– Привет, – ответила я после продлившейся в реальности около секунды паузы. – Рада познакомиться с тобой вживую. – Мой приветственный кивок по достоинству оценили

бы знатнейшие английские леди – столько в нем достоинства и вежливого интереса к собеседнику.

– И я рад, – сев за стол, он снова принялся довольно нагло и придирчиво меня рассматривать. – Вера.

– Антон, – вторила я той же манере и, не удержавшись от возмездия за свою уязвленную ранее гордость, заметила: – А ты и правда жуткий циник, не соврал.

– Не думаю, что мне стоило врать, – ответил он спокойно. – Какой смысл?

Мы опять скрестились взглядами, и я удивилась: ни одна предоставленная в его профиле фотография не передавала, какими ярко-ярко синими в действительности были его глаза. Я встречала такие лишь однажды, сидя в пару лет назад в очереди к врачу, у маленького мальчика. Невыносимого милахи, на которого невозможно было налюбоваться. Однако если детский дружелюбный взгляд хотелось сравнить с теплым морем или летним небом, взгляд Антона – с промерзшей до самого дна рекой.

Забавно, но мое замечание, похоже, его задело. Привык, наверное, к спешащим возразить его самокритике девушкам, но я не собиралась строить никаких иллюзий. Мы встретились благодаря правде и не очень-то лицеприятной.

– И то верно, – согласилась я.

Наконец, к нашему столику подошла официантка, прерывая начатый обмен любезностями.

Глава 5

Несмотря на ранний час жизнь в стенах института уже активно и громко бурлит. Очень скоро меня полностью захватывает работа, и об Антоне и наших с ним, а на самом деле: моих с ним – проблемах думать некогда. Стоя за любимой кафедрой, я читаю третьекурсникам лекцию о гуманистических идеалах в творчестве Достоевского и с радостью встречаю вереницу вопросов в перерыве перед семинаром – мне не хочется возвращаться к мыслям о своей личной жизни; благодаря пытливости некоторых студентов мой уставший от тревог мозг получает хорошую передышку.

Пять часов занятий пролетают неожиданно быстро, и, перекинувшись с коллегами парой слов, я неспешно собираюсь домой. На улице до ужаса холодно и сыро, идет слабый, но, кажется, ледяной дождь, и ступать по неровно уложенной (все же ни в одном районе столицы нет такого количества шансов споткнуться, как в центре), скользкой плитке приходится осторожно.

По дороге домой я, набравшись смелости и сил, вдумчиво листаю сайт объявлений в поиске нового жилья, пока набитый пассажирами автобус плетется от остановки к остановке в вечерних пробках. Откладывать дальше попросту нельзя – мне нужно иметь свой угол, когда давно заготовленные в голове слова прозвучат вслух. Остаться после просьбы о

разводе в одной квартире с Антоном – к тому же в его собственной квартире, – будет уже слишком.

Мне до сих пор не верится, что впереди действительно случатся расставание и переезд. Прожив больше десятка лет в одиночку, я до странного легко привыкла к совместному быту с Антоном и теперь боюсь, что не смогу вернуться к прошлому укладу. Но я должна.

Вскоре мое намерение определиться с будущей квартирой и, быть может, договориться о просмотре на завтра, иссекает, вкладки с сайтами закрываются без особого сожаления, а я прислоняюсь головой к оконному стеклу и прикрываю глаза.

Позже. У меня есть еще несколько дней.

Стараясь не шуметь на случай, если Антон еще не проснулся, я открываю дверь своим ключом и почти бесшумно захожу внутрь, однако зря: в ванной журчит вода, из гостиной в прихожую падает свет и доносится бормотание телевизора. В этом доме только один человек оставляет всю электронику работать, пока сам торчит в душе не меньше получаса; я для подобного слишком тревожна.

Через пару минут, за которые я успеваю лишь разуться и снять с себя покрытое холодными каплями дождя пальто, из ванной комнаты выходит Антон. Шерстяная ткань в моих руках тяжелеет с каждой секундой, но сдвинуться с места и шагнуть к настенной вешалке удастся не сразу.

– Привет. – На Антоне только намотанное вокруг бедер

черного цвета полотенце, и я откровенно засматриваюсь, как ни разу не выдавшая красивого мужского тела невинная девица.

Мой муж всерьез следит за собой: за фигурой, внешнестью и здоровьем. Отчасти, благодаря профессии; отчасти потому, что хорошо знает цену себе и своей врожденной привлекательности. Будь он хоть чуточку самовлюбленным, не восхищаться им оказалось бы проще, но нет: его самооценка вполне здрава и адекватна.

В Антоне нет ни ложной скромности, ни нарциссизма. Он просто-напросто красив.

Совсем недавно мне чудилось, что я промерзла до костей, однако теперь в теле просыпается знакомый болезненный жар, от которого ноют мышцы и под кожей нервными иголками покалывает неутолимая тяга, – достаточно взгляда, чтобы желание физического контакта с одним единственным человеком опять нарушило мой хрупкий и нестабильный душевный покой.

– Вера, – замечает Антон удивленно, увидев меня у дверей, а после коротко улыбается. – Привет. Ты только пришла?

Я киваю.

– Устала?

– Да нет. – Я отвожу взгляд, словно по-настоящему боюсь, что Антону станет известно, чем я была занята в автобусе полчаса назад. – Пары сегодня прошли очень продуктивно,

я довольна. – К счастью, здесь нет ни капли вранья.

Занятия удались, и как преподавательница я чувствую удовлетворение от проделанной работы, что случается далеко не всегда: результат приложенных мной усилий зачастую проявляется лишь со временем, а бывает, что не проявляется вовсе. Хуже всего – говорить перед аудиторией, не желаящей тебя слушать. Сказанные слова пропадают, как в черной дыре, и ты черпаешь все больше и больше своих ресурсов, но ничего не получаешь в ответ, и остается лишь сосущая пустота.

Не знаю, как некоторым преподавателям удастся большую часть своего рабочего времени тратить силы в никуда изо дня в день. Мне хватило нескольких раз, чтобы еще в первые годы карьеры отказаться от дополнительной нагрузки вне стен родной альма-матер, потому что безразличие студентов обходилось мне слишком дорого. После занятий я тревожно задумывалась, те ли путь и призвание избрала, и чувствовала расползающееся в груди бессилие.

Наш с Антоном брак по природе своей чем-то напоминает этот эпизод из прошлого. Мои внутренние силы снова вычерпаны почти до дна, и я знаю, что во имя самосохранения пора разорвать сковавшую нас цепь.

– Супер, – Антон кивает и вольготно потягивается, а я безвольно скольжу взглядом по отчетливо проступившим на животе мышцам. – Перекусим или ты сначала в душ?

– М-м, что? – До отвлекшейся на эстетические радости за-

мужней женщины меня не сразу доходит прозвучавший вопрос. – А, душ. Да, пожалуй, первом делом я ванную, если ты не очень голоден.

– Нет, я тебя дождусь, – заверяет он, отступая от дверей ванной комнаты.

– Если хочешь, то ешь, – я продолжаю тараторить, хотя прекрасно осознаю, насколько жалки и нелепы мои слова: ну просто речь бедной родственницы, не иначе. – Не стоит...

– Вера! – обрубает Антон с раздражением, и я осекаюсь. – Что за приступ самоуничтожения? Или ты думаешь, я за двадцать минут умру с голода?

В ответ мне остается только пожать плечами. Ничего не могу с собой поделать последние месяцы – и чем больше времени проходит, тем плачевнее мое состояние.

– Что вообще с тобой происходит? – интересуется Антон, явно не удовлетворившись молчанием. – Ты странно себя ведешь, не считаешь?

Ого, неужели он, наконец, сподобился заметить?

Во мне зарождается злость. Довольно иррациональная и почти беспричинная, ведь я намеренно старалась вести себя, как обычно, и по возможности ничем не выдавала собственных чувств и переживаний, надеясь сохранить их вдали от внимания Антона. Тогда отчего мне сейчас так обидно?

– Все хорошо, – говорю я вслух и на ходу стягиваю через голову свитер.

Действие совершенно точно намеренное и провоцирую-

щее, правда с неясной целью: то ли продемонстрировать Антону равнодушие, то ли прежде всего подразнить его и соблазнить? В моей душе уже на протяжении многих месяцев кружит тихая буря чувств и эмоций и требует выхода, но я могу позволить себе единичные порывы и не более того.

– Как скажешь. – Голос Антона звучит ровно. – Мойся и приходи на кухню.

Не оборачиваясь, я киваю и расстегиваю бюстгальтер, после чего наконец закрываюсь в ванной.

Внутри еще стоит пар после водных процедур Антона, но уже стылый и неприятный. Я ежусь. Мне снова холодно. Впрочем, мерзну я теперь часто, и единственное спасение – горячий душ.

Под обжигающими струями воды тело расслабляется и согревается. Я больше не чувствую себя нафаршированной, словно тушка курицы овощами, колотым льдом. Пусть ненадолго, но наступает покой, ненастойчиво прерываемый недавними воспоминаниями об Антоне.

Я тяжело вздыхаю, когда внизу живота и между ног возвращается утихнувшее на несколько минут томление, и выхожу из душа. Смотрюсь в наполовину запотевшее зеркало на свое обнаженное отражение и привычно гадаю, нравлюсь ли я Антону как женщина? Или ему нравится регулярный секс в моем лице?

Он никогда не терял от меня головы, вот что я знаю наверняка. А мне хотелось бы хоть раз стать причиной его безу-

мия, вывести Антона на совершенно несвойственные ему эмоции, сбить с толку, поставить на колени...

Да, вот до чего я дошла. Самой от себя тошно.

«Не рассчитывай на фейерверки чувств в моем исполнении и прочую лабуду, – говорил мне Антон больше года назад. – Мне это несвойственно в принципе, поэтому давай без иллюзий. Если тебе нужны телячьи нежности и сумасшедшие страсти, то нам не по пути. Определись с этим сразу».

Тогда мне казалось, мы с ним похожи: здравомыслящие, ответственные, рациональные. Идеальная пара.

Откуда мне было знать, что я вопреки обещаниям стану другой?

Глава 6

Если бы почти двенадцать месяцев назад я могла знать, чем обернется со всех сторон казавшееся верным и хорошо обдуманное решение, то ни никогда бы его не приняла. Но я не знала. И ответом на вопрос свадебного регистратора стало мое уверенное и спокойное: «Согласна».

Тогда любовь была для меня неведанным феноменом, существующим где-то в параллельной действительности. Красивой мечтой с горьким, как полынь, привкусом несбыточного. Не имевшим финала ожиданием, прозаичной длиной в жизнь.

Когда в позапрошлом январе мне исполнилось двадцать девять, я попросту сдалась под гнетом давней усталости от одиночества, достигшей вдруг критической отметки. Чаша смирения с собственной участью переполнилась, в то время как чаша надежд окончательно опустела. Пришла пора честно признать бесперспективность еще трепыхающегося во мне ожидания «А вдруг...» Со всей отчетливостью я понимала, что любовь прошла, прямо как в одной песне, стороной, ни разу меня не коснувшись.

Потому, здраво взглянув правде в глаза, я начала поиски рационального, практико-ориентированного решения вставшей ребром проблемы, заодно выбросив из уравнения, как незначительные, переменные вроде чувств, искры притяже-

ния и прочих, неиспытанных мною клише из любовных романов. Раз уж пресловутые «бабочки в животе» не удосужились поселиться в моем желудке до сих пор, надеяться на чудо в дальнейшем было попросту глупо.

Я хотела семью. Я хотела ребенка. Я устала от ежевечерних возвращений в тишину квартиры, стоимость съема которой забирала половину моей зарплаты.

В конце концов я боялась. Того, что скоро мои довольно многочисленные, но затерявшиеся в работе и семьях друзья уже не утолят моего социального голода. Что однажды я не найду, кому позвонить в трудную минуту.

Знание, по правде говоря, железобетонное, что мои друзья никогда в самом деле не бросят меня в беде, ничуть не помогало. В беде – да, но что насчет всех остальных дней моей довольно пресной жизни?

Я возвращалась с работы, где за день успевала в перерывах поучаствовать в одном-двух диалогах с коллегами-приятельницами, и оказывалась в безлюдном вакууме. Порой, мне до невыносимого отчаяния хотелось другого.

Объятий. Поцелуев. Разговора. Компании за просмотром сериала. Одного небритого и взъерошенного источника тепла в постели и шорохов на кухне с утра.

Наверное, тогда я бы и детские крики сочла за приятное разнообразие в программе жизни человека без семьи и близких родственников.

Ничего этого не было. За исключением нескольких ко-

ротких, не отозвавшихся в сердце романов (впрочем, слишком сильное слово для нерегулярных встреч в течение пары-тройки месяцев), я почти не знала ни физической близости (необязательно сексуального характера), ни постоянного присутствия другого человека на собственной территории.

Временами мне начинало казаться, что я умираю от дефицита прикосновений. Если общения мне хватало, несмотря на всю занятость – и мою, и подруг, – хвала мессенджерам, то с физическим контактом все было откровенно плохо, но...

Я долго не замечала этого недостатка. Все-таки в годы школы и университета я, пусть и на несколько секунд, пять в раз неделю обнималась с подружками и друзьями, контактировала с парнями и даже с некоторыми встречалась, а потом... Потом началась взрослая жизнь, в которой внезапно я могла месяцами не чувствовать на своем теле прикосновений и не прикасаться сама (конечно, если не считать за физический контакт час-пиковую давку в метро).

Собственно, поэтому в двадцать девять лет мне в голову не пришло идеи лучше, чем найти себе мужа, не ожидая романтических чувств ни с его, ни со своей стороны. Этаким брак по расчету варианта эконом. Вместо формулы «деньги к деньгам» будет «одиночество к одиночеству».

Историями о подобных союзах на самом деле никого не удивишь. Я сама знала как минимум две пары, заключивших брак на основе общих интересов, целей и желаний. Их примеры и вдохновили меня на попытку действием преодолеть

свою навечно бесперспективную проблему.

Они были счастливы. По их словам, они теперь любили друг друга, но... Я всегда думала, что однажды найду своего человека, а чужого в любом случае не сумею впустить в свою жизнь, ибо непосильная это задача для интроверта, особенно с моим характером.

Да и не чувствовала я ужасов одиночества до поры. Напротив, мне нравилось жить одной. Может быть, потому что я еще не верила, что иных опций мне мироздание не предоставит, обрекая на вечное уединение.

Страшное, однако, слово. Вечность. Пугающее до ужаса.

Стоит ему прозвучать, как что-то изнутри сдавливает грудь, мешая полноценно дышать, и человек мигом загорается отчаянным желанием убедиться: перемены возможны и собственная участь не обречена на статику.

Никак иначе объяснить череду своих решений почти годичной давности я не могу. С трудом верится, что во мне нашлось достаточно упорства на преодоление своей же интровертной натуры: я не очень-то жаловала запланированные знакомства и отношения.

Обычно в общении любое планирование и принуждение меня угнетало. Оттого я никогда не понимала кайфа в бесконечных свиданиях с разными парнями ради развлечения и в студенческие годы посматривала на своих одноклассниц с недоумением: не жаль им своего времени и сил? Потому же я не любила чересчур людных вечеринок, где приходилось

болтать со всеми подряд, и в целом старательно избегала любых энергозатратных мероприятий.

Наверное, окажись я более социально активной, моя личная жизнь сложилась бы удачнее. Не было бы сейчас нужды, стоя перед зеркалом, беззвучно плакать от тоскливой боли в области сердца, постепенно заполняющей каждую клеточку тела.

Лучше бы я ничего не меняла. Не любить, по крайней мере, было совсем не больно.

Пара минут глубоких и размеренных вдохов и выдохов и долгое умывание холодной водой превращают заплаканное нечто из зеркального отражения в пышущую румянцем женщину, и я облегченно, пусть еще и немного надрывно, вздыхаю: повезло, что рыдать от души – до опухших глаз, носа и губ, – я давно не умею. Мой максимум – беззвучные слезы, да и то хватает меня обычно не больше, чем на четверть часа. Впрочем, за последние месяцы ситуация точно изменилась к худшему, и моя нервная система без особых затруднений откатилась до настроек этак двадцатипятилетней давности. Истерики, пусть пока и молчаливые, мне уже не чужды.

Еще с минуту простояв в прострации перед зеркалом, я наконец выхожу из ванной, оставшись замотанной в белое пушистое полотенце. Уже в гостиной слышно, как чем-то гремит на кухне Антон и гудит микроволновая печь. На экране телевизора сменяют друг друга пейзажные кадры «Дюнкерка» Кристофера Нолана, из саунд-бара льется зна-

комая тревожно-грозная музыка, и, увлеченная любимым фильмом, я замороженно замираю.

Однако желание насладиться шедевральным, на мой взгляд, кинематографическим гимном гуманизму все же слабее желания скорее попасть в общество Антона. Поправив начинающее сползать с груди полотенце, я все-таки отрываюсь от экрана и ступаю с короткошерстного ковра на гладкий паркет.

За спиной остается дверь спальни, куда мне стоило бы зайти и сменить свой махровый наряд на настоящую одежду. Естественно, мое решение продиктовано не тайной любовью к нестандартным образам. К тому же дома очень даже прохладно, и разумная я предпочла бы уютный и теплый домашний костюм, но я влюбленная и потерявшая голову выбираю продефилировать перед мужем в полуголом виде, словно за прошедший год он не посмотрелся на мое ничуть не модельное тело. Впрочем, сомнений в том, что Антон захочет секса, почти нет: с его либидо несколько командировочных дней – целая вечность.

Может, я и была не столь темпераментна до нашей с ним встречи (а скорее отказывала одной потребности в пользу другой), однако теперь страсти во мне столько, что страшно. Я боюсь, что, замешанная на любви, она в конце концов испепелит мою слабую оболочку, когда Антона уже не будет рядом.

Не то чтобы сейчас меня не жгло беспощадным пламенем

до самого сердца. Ситуация в любом случае проигрышная.

Оказавшись на кухне, я уже едва ощутимо подрагиваю от холода, словно и не стояла с десятков минут под горячим душем, и корю себя за никому не нужный выпендрей до тех пор, пока к столу с двумя тарелками в руках не оборачивается Антон. Меня он замечает сразу:

– Ты прямо вовремя. Закончила?

– Да, – кивнув, я делаю несколько шагов вперед под довольно заинтересованным взглядом, кожей чувствуя, как Антон рассматривает меня с головы до ног.

На стул я усаживаюсь медленно, заодно позволяя краю полотенца подняться выше и откровеннее оголить бедро. Соблазнительница из меня неважная, но и небезнадежная. От раздавшегося рядом короткого тяжелого вдоха по телу ласково рассыпаются мурашки и чуть-чуть подскакивает пульс. Мне снова тепло, и томительно, и волнительно-хорошо.

– Я разогрел ужин, – говорит Антон, кашлянув. – Хочешь, вино откроем?

– Давай. – Мне и, правда, не мешает порция алкоголя и последующая за ней расслабленность. Я слишком зажата и напряжена.

– Супер. – Антон ставит на стол наши тарелки с приготовленным мной вчерашним вечером ризотто и возвращается к гарнитуру за вином и штопором. – Белое?

– Угу. – Мое внимание сейчас целиком и полностью захвачено мужем.

Он, в отличие от одной неразумной дурочки, променял полотенце на спортивные брюки и свободную майку, но едва ли стал выглядеть менее привлекательно. Напротив, у меня глаза разбегаются, не зная, чем наслаждаться в первую очередь: широкой линией плеч, рельефом рук или упругими, на зависть Крису Эвансу, ягодицами.

Жаль, что любоваться собственным мужем я могу только со спины. Мне безумно хочется рассмотреть каждую черточку его лица, изучить радужку голубых глаз до мельчайших крапинок, запомнить контур длинного с чуть выраженной горбинкой носа и тонких, любимых губ, но... Антон никогда не понял бы подобной сентиментальщины.

И от досады и сожаления мгновенно хочется плакать. Потому что у меня не останется ничего. Даже достаточно надежных и полных многочисленными деталями воспоминаний.

Ничего.

Если подумать, то, может быть, это и хорошо. Я ведь еще мечтаю исцелиться. Вернуться однажды к прежней, безболезненной, пусть и пресной, жизни, в которой вновь обрету себя от и до.

Столь необходимое мне сейчас вино поспевает вовремя. Спрятав от Антона глаза, я принимаю бокал из его рук и, едва муж отступает к противоположному краю стола, делаю огромный глоток. Пустой желудок обдаёт жидкой прохладой, а меня капельку отпускает напряжение.

— Оу, — удивляется Антон, и я поднимаю на него непонимающий взгляд. — Все-таки был плохой день на работе?

Я усмехаюсь.

— Вроде того. Устала, вот и все. — Я пожимаю плечами и запиваю подступившую к горлу горечь вторым глотком вина.

Конечно, других причин для переживаний у меня не бывает. Как же.

Просто Антон свято уверен в моей «ботаничности», которую сам и придумал с первого дня нашего знакомства. Записал меня в скучных и правильных и неподдельно удивился моему несовпадению с шаблоном, когда дело дошло до совместной жизни, однако так и не сподобился узнать меня по-настоящему.

А скорее не имел желания узнать. Зачем ему подобная морoka? Он хотел простых отношений без заморочек и трудностей.

— Ляжешь пораньше? — интересуется Антон, и в тоне его голоса другой, завуалированный вопрос звучит совершенно четко и неприкрыто.

— Выдохни, — смеюсь я, поглядывая на него со значением. — Я не настолько устала. Будет тебе секс. Не ты один был на сухом пайке.

— Ты слишком хорошо меня знаешь, женушка. — Антон, кажется, чуточку пристыжен, но все равно довольно улыбается. И я тяну губы в ответной улыбке, хотя веселье мое — горькое.

Кто бы мне раньше сказал, что в одну и ту же единицу времени можно быть безмерно счастливой и до отчаяния несчастной.

Глава 7

Мы ужинаем под стук столовых приборов и звон бокалов, лишь изредка обмениваясь ничего незначащими репликами.

– Еще вина? – спрашивает Антон, не поднимая глаз от телефона.

Удивительно, но мой молчаливый кивок не остается незамеченным и бокал мгновение спустя вновь полон. Я уже изрядно во хмелю, а порция ризотто в тарелке едва ли уменьшалась хотя бы на четверть. Сознание приятно плывет, однако разум как всегда при мне.

Жаль. Быть может, потеряй я разок голову от вина, то сумела бы поведать мужу о собственных чувствах. Иначе как безрассудной мне подобного не сотворить. Будучи в здравом уме и твердой памяти я прекрасно знаю, к каким результатам приведет эмоциональная тирада: к унизительно-отрицательным.

– Ты выспался? – Предпринимаю я очередную попытку поддержать разговор и заодно отвлечься от начавшегося в голове шабаша пьяных мыслей.

По крайней мере мой вопрос заставляет Антона отложить телефон в сторону и посмотреть вперед. Я отчетливо вижу, как его взгляд спускается ниже, наверняка застывая на ложбинке моей груди, и наполняется предвкушением.

– Вполне, – отвечает он.

Интерес, стопроцентно сексуальный и на самом деле довольно периодический – мой муж не смотрит на меня так ежедневно, – одновременно приятен и печален. Мне хотелось бы чувствовать свою привлекательность всегда, а не в обоснованных физиологией эпизодах.

Они лишь доказательство равнодушия Антона. А сама я для него – чуть больше, чем безликая женщина.

– Хорошо, – произношу я, совершенно не задумываясь над смыслом сказанного, и растерянно замолкаю.

Мне о многом хочется поговорить с Антоном, но, боюсь, мои вопросы покажутся ему надоедливymi и бесцеремонными. Беседы по душам в нашем браке не предполагаются.

К счастью, спасая нас от неуютной тишины, Антон продолжает диалог:

– Ты вчера рано уснула. Я даже не ожидал. Вернулся, а ты уже храпишь.

– Эй! – я наигранно возмущаюсь и в протестующем жесте дергаю рукой, чудом умудрившись не выплеснуть себе на грудь вино. – Я не храплю!

Правый уголок губ Антона приподнимается, синие глаза искрятся лукавым весельем. Он сейчас завораживающе красив. Мое несчастное, влюбленное сердце делает кульбит, оступает и, сорвавшись в пропасть, замирает в невесомости восторга.

– Думаю, – замечает он, поднимаясь из-за стола с пустой тарелкой, – в этом вопросе мое мнение более компетентно.

– Ты летчик, – я намеренно ошибаюсь в термине, – а не сомнолог.

Спокойно оставив посуду в раковине, Антон оборачивается и одаривает меня насмешливым взглядом:

– Слабо, – цокает он языком. – Ты в жизни не спутаешь летчика и пилота, Вер.

Я пожимаю плечами, искренне наслаждаясь теплотой этой пикировки.

– Кофе?

– Нет, спасибо. Лучше еще вина.

– Уверена? – Антон явно сомневается, но все-таки подходит к столу и берет бутылку.

– Спасибо.

– Ты ничего не съела.

Прозвучавшее замечание возвращает мои мысли к почти полной тарелке, и я тяжело вздыхаю. Аппетита нет совсем.

– Не хочется, – признаюсь я честно. – Потом.

– Ну как знаешь.

– Ага. – Сделав новый глоток, я выхожу из-за стола и подхватываю тарелку. От резкого подъема кружится голова, и тело ведет на первом же шаге. – Ой!

Стоявший поблизости Антон успевает меня поймать.

– Пьянчужка, – смеется он и перенимает из моих рук тарелку, чтобы оставить ту на кухонной тумбе. – Ты зачем так набралась?

– Не знаю, – уклоняюсь я от прямого ответа и спиной

сильнее прислоняюсь к мужу.

Прикосновение покоящихся на моей талии ладоней ощутимы даже сквозь махровую ткань. В ушах нарастает гул, внутри что-то привычно сжимается в предвкушении. Обонянием с каждым вдохом отчетливее улавливается аромат знакомого, дурманящего ум мужского парфюма, пульс учащается, а во рту сохнет.

Уловив мое состояние или попросту подчиняясь собственным желаниям, Антон прижимает меня крепче, и я тут же лну к нему и откровенно потираюсь ягодицами об уже напряженный член.

– Соскучилась? – шепчет Антон сипло, и я отрывисто киваю, вкладывая в этот акт согласия куда больше смыслов, чем заявлено в вопросе.

От контакта наших тел меня уже всюю бьет мелкой дрожью, под ставшей до предела чувствительной кожей горячая кровь жжет вены и опалает мое измученное сердце.

Если бы Антон только знал, как много я стараюсь взять и отдать во время секса. Если бы он только мог утолить мой эмоциональный голод, от которого я, наверное, рискую однажды сойти с ума, но...

Беда заключается в том, что мой муж не имеет того, что требуется моим сердцу и душе. Как богачу нечего взять у нищего, так и мне нечего взять у Антона, но я хотя бы могу поделиться с ним тем, что переполняет меня сама до краев, разрывая на части.

Повернув голову, я тянусь к его губам и целую. Чуть неловко и рвано, жадно и неприкрыто страстно. Благодаря вину сегодня можно быть честнее обычного, и я пользуюсь предоставившейся возможностью с радостью.

Хватка Антона на моем теле становится жестче, дыхание – тяжелее и чаще, и его возбуждение, как и всегда, безмерно заводит и пьянит. Его левая рука поднимается выше и сжимает грудь, правая, спустившись, забирается под край полотенца и скользит между бедер, прежде чем ребром врезаться в центр. Невольно прервав поцелуй, я задушено хватаю ртом воздух.

– Весь ужин думал, – пользуется паузой Антон, – как ты сидишь передо мной без белья. – Его пальцы теперь распределяют смазку по половым губам, избегая проникновения и контакта с клитором.

У меня же вырывается тихий всхлип и подгибаются ноги.
– Ты только сейчас намокла или еще за столом?

Я не отвечаю. Алкоголь в полную мощь ударил в голову, и слова ко мне не приходят. К тому же мастер по пошлым разговорчикам на этой кухне уже имеется.

Выгнув спину, я опять тянусь к Антону за поцелуем, но он решает иначе и быстро разворачивает меня к себе лицом. Узел на полотенце развязывается вместе с движением, и через секунду я остаюсь обнаженной.

Антон довольно улыбается и снимает майку. Следом на пол улетают брюки. Теперь мы вдвоем полностью обнажены.

Я сокращаю образовавшуюся недавно дистанцию и потираюсь о мужа грудью, смотря ему прямо в глаза и внимательно наблюдая за тем, как любимый синий взгляд темнеет и теряет фокус и как еще больше тяжелеет и учащается дыхание.

Подняв руку, пальцами Антон зарывается в моих еще влажных волосах и оттягивает голову вниз, освобождая шею, куда после прижимается губами и где до легкой щиплющей боли втягивает в рот тонкую кожу, упоенно оставляя подряд несколько красных пятнышек.

У меня закатываются глаза. Я тихо стону и тянусь к покачивающемуся у бедра члену, обхватываю его ладонью и чувствую пульсацию, словно отдающуюся внизу моего живота.

Мысли исчезают. Гаснут звуки. И на второй план отходит все вокруг. Остается только Антон.

Его губы. Жар тела. Прикосновения его рук и пальцев. Жадные, долгие поцелуи. Не знающие стыда ласки. Сначала мучительно-неспешный, томный темп толчков, а затем – почти бешенный, выбивающий из меня громкие стоны.

Оргазм опустошает, забирая все.

В эти секунды я не думаю. Совсем ни о чем.

В эти секунды ко мне еще не пришла мысль, что это, наверное, был наш с Антоном последний секс.

Прощальный.

Глава 8

На следующий день Антон отправляется в новый рейс, а я остаюсь дома. Дется мне сегодня некуда: нет ни лекций, ни семинаров.

С самого утра, проводив мужа до двери и затем с трудом проглотив пару печений на пару с горьким кофе, я сижу в гостиной и пялюсь в раскрытый ноутбук. Бесцельно пролистываю файлы статей, отобранных ранее в качестве основы для моего следующего исследования, по несколько раз в минуту проверяю корпоративную почту в надежде на внезапный поток вопросов от студентов, но писем ожидаемо нет: середина недели, первая половина дня – в такую рань студенты пишут преподавателям крайне редко.

За окном идет снег с дождем. Беспросветная серость давит, нагоняя уныние и растравливая и без того властвующую надо мной тоску. Экран ноутбука постепенно гаснет и размывается перед глазами.

Мысленно я уже не здесь. Мне вспоминается, как на второй встрече все в том же кафе мы с Антоном обсуждали родственников.

– Слушай, – сказал он мне. – У тебя родители где живут? Наверное, я должен буду с ними познакомиться? – Выражение его лица и напряженность позы очень ясно сообщали, как сильно он не хочет никаких знакомств семействами.

Что ж, в таком случае одной проблемой становится меньше.

– У меня только брат и бабушка, – не стала я тянуть с ответом, – но они оба далеко. Бабушка конечно не поедет в Москву, а брат... Он... такой, специфичный человек.

Антон нахмурился.

– В каком смысле – «специфичный»?

Я пожала плечами, уже жалея о собственной откровенности, и попыталась объяснить точнее:

– Просто не слишком часто обо мне вспоминает. Вряд ли вы встретитесь. Вот я к чему. Забей.

Мне не хотелось говорить, что правда несколько в другом: я просто не была уверена, что в случае беды мой брат прыгнет выше головы ради помощи мне. Не что чтобы я желала такой жертвы – нет, но знать, что родной брат и пальцем о палец не ударит, если то будет стоить усилий, – больно в любом случае. Как и знать, что он сам не пожелает знакомиться с моим мужем.

– Понял, – Антон кивнул, корректно обойдясь без дальнейших расспросов.

– А что насчет тебя? – поинтересовалась я, с трудом устояв перед совершенно антинаучным порывом скрестить пальцы: очень уж не хотелось занять вместе с мужем злобную свекровь.

– Только родители, но мы тоже нечасто видимся. Как я уже говорил, сантименты – не мое.

Теперь я могу с полной уверенностью сказать, что Антон тогда ничуть не лгал.

Он действительно сухарь. Холодный, рациональный и бесчувственный. Не поддающийся эмоциям и стрессам айсберг.

Мне сложно сказать, как сильно на его характер и темперамент повлияла работа, но, кажется, проблема лежит намного глубже. Профессия пилота с ее необходимостью реагировать на любые проблемы и потрясения, не теряя ясности ума, лишь добавила Антону сдержанности.

С его родителями я не знакома до сих пор, но в обрывках их редких телефонных разговоров теплой душевности и доверительности не чувствуется совсем. Быть может, мой муж несет свою эмоциональную холодность из семьи, не знаю.

В любом случае через безразличие Антона мне не пробиться. Я пробовала. А превращаться в истеричку, пытаюсь вывести его из себя... Нет уж, до подобного отчаяния в бессилии я не докачусь.

По этой же причине мне нельзя говорить Антону правду о своих чувствах. Потому что он не поймет, чем я недовольна, а выдержать его вежливую полуулыбку и спокойный вопрос: «Ну и что, что любишь? Разве это не бонус?», я не смогу.

Нельзя объяснить тому, у кого ни разу даже не кольнуло в сердце, как невыносимо оно умеет болеть: до мучительно-го тумана забытья, где не остается ничего, кроме муки, где теряешь себя, свою волю и стабильность из-за другого человека, вопреки всем доводам рассудка. Такое нельзя понять

посредством слов – только пережить.

Нет, Антон не поймет.

А я определенно не героиня из русской классики. Я не могу смириться и жить так, как еще живу сейчас, и остаться с тем, кому на меня наплевать.

И я не хочу всю жизнь украдкой смотреть на Антона в ожидании, молчаливо вопрошая: а вдруг? Вдруг именно сегодня в нем что-то изменится и в глазах отразится... большее.

Нет, и еще раз – нет. Я прожила в этом состоянии последние месяцы и могу уверенно сказать одно: нет ничего губительнее бесплодных надежд. Из дня в день разочарование подтачивает силы, испивает тебя до дна, до последний капли высасывая тягу к жизни и способность радоваться, и оставляет после невосполнимую пустоту. В этом нет ничего хорошего.

Моя любовь сравнима с ломкой наркозависимого и лечится теми же методами. Вот, что мне следует помнить.

И я твержу себе об этом на протяжении двух дней, в течение которых Антон находится на работе. Я ищу квартиру по пути в институт и в перерывах между парами и в конце концов умудряюсь подписать договор найма за несколько часов до возвращения своего еще мужа домой.

Мне до сих пор не верится, что в сумке лежат ключи от моего нового жилья. Одноушки, расположившейся неподалеку от метро, с вполне сносным ремонтом и хорошей мебе-

лю. Впрочем, сейчас я едва ли могу вспомнить интерес.

Вернувшись в пока еще нашу с Антоном квартиру, какое-то время я мечусь от стены к стене, но скоро опускаюсь на ковер гостиной и застываю в неудобной позе. Кажется, меня лихорадит, однако оценить свое состояние адекватно никак не выходит: я словно ничего не чувствую. Ни физически, ни психологически.

Я не понимаю, жарко мне или холодно. Голодна я или сыта. Не могу сориентироваться во времени и сфокусировать взгляд на электронных часах. На ноги меня поднимает оглушительный поворот ключа.

Я встречаю Антона в коридоре и рассматриваю его во все глаза, жадно стараясь запастись воспоминаниями впрок. Он бросает на меня недолгий взгляд и ровно улыбается.

– Привет, Вер. – Звучит стандартное приветствие и не менее стандартный вопрос: – У нас есть что-нибудь на ужин?

– Привет, – лепечу я в ответ. – Да, конечно.

– Супер. – Разувшись, Антон оставляет на тумбе в прихожей китель, на ходу расстегивает пуговицы рубашки и закатывает рукава. – Сейчас закину вещи в стирку и поем. Жрать хочу ужасно. Пролил вчера кофе на себя, прикинь? Прямо в кабине. Хорошо, хоть не на приборную панель.

У себя за спиной я обхватываю одну ладонь другой, стараясь унять совсем уж очевидную дрожь и спрашиваю:

– Не обжегся?

– Нет, – Антон смеется, будто не находился вчера в шаге

от аварийной ситуации на борту. – Кофе со сливками был. Так что вдвойне повезло.

– Да, – повторяя я заторможенно, – повезло.

Встав в дверном проеме, соединяющем прихожую и гостиную, я наблюдаю за Антоном и медленно, но верно теряю последние капли спокойствия. Думать здраво не получается, мысли спотыкаются и обрываются на полпути, в груди болезненно колотится сердце, а в ушах шумит кровь. Пространство вокруг сужается и будто сдавливает меня со всех сторон, и я так больше не могу.

– Антон! – вырывается у меня.

– Да? – Он и не смотрит в моем направлении, вовсю занятый содержимым чемодана. – Что ты хотела? – Наконец, подхватив гору одежды, видимо, для стирки, он выпрямляется и встречается со мной взглядом.

Я нервно вздыхаю, переступаю с ноги на ногу, не чувствуя под собой пола, и растираю ладони, как учила меня когда-то моя научница, чтобы успокоиться. Конечно, сейчас ничего не оказывает эффекта. Меня трясет, и слова звучат надломлено и глухо, но все же звучат:

– Я... Нам с тобой нужно поговорить.

Глава 9

Антон отстраненно кивает и идет к ванной.

– Только дух переведу, окей? Да и в душ надо.

Однако я не слышу его точно так же, как он сейчас не слышит меня.

– Мне нужен развод. – Очень хотелось бы произнести эту фразу ровным, уверенным голосом, но получается лишь надрывный выкрик.

Прилетев Антону в спину, тот заставляет его остановиться и медленно повернуться ко мне.

– Чего? – спрашивает он грубо, и я морщусь: мне еще не доводилось слышать от него подобный тон и видеть столь неприкрытую злость на лице. – Какой, на хрен, развод?

Его голос не стал громче ни на децибел, но я все равно на секунду зажмуриваюсь, будто сейчас существует действительный риск быть сбитой с ног звуковой волной.

– Обычный, – я прокашливаюсь и, открыв глаза, предпочитаю для созерцания пол и ничего более. Мне страшно смотреть на Антона. – Я хочу подать на развод.

– Да какого... Почему именно сейчас?

Я делаю глубокий вдох, почти обрадованная новым вопросом, как студентка, подготовившая на экзамене лишь один билет из ста и чудом именно его и вытянувшая, и принимаюсь тараторить:

– Мы ведь договорились, что первый год брака – пробный, а потом уже пути назад не будет. Годовщина у нас совсем скоро, а после уже и планирование ребенка. Разводиться позднее было бы совсем сложно. Я не хочу, чтобы мы совершили ошибку, не хочу дальше тратить твое время.

– Время, значит? – уточняет Антон с холодной яростью в интонациях.

– Да, извини.

– А больше ничего сказать не хочешь? Все нормально было. Какая шлея тебе под хвост ударила?

– Это обдуманное решение.

– Меня не было двое суток. Ты за сорок восемь часов приняла это обдуманное решение?

– Ну конечно нет! Я долго размышляла и...

– О, так ты в последние разы и трахалась со мной обдуманно, что ли? Настоящий секс с профессоршей философии!

– Я-я не профессорша!

– Да мне по хрен, Вер, кто ты.

– Я знаю.

Он, конечно, не воспринимает мой ответ как информативный, а зря.

– Вот какого... просто... Ты внятно объяснить можешь? Мы же договаривались все обсуждать. Решать проблемы. Мы для чего, по-твоему, заварили всю эту хренотень с партнерством? Чтобы ты из-за секундной обиды все порушила? Сама головой подумай. Где ты еще такого дурака найдешь.

– Дурака?

– Вер, ну...

Я поднимаю на Антона взгляд. На его лице отражается досада: все-таки понимает, что ляпнул что-то не то, но сожаления нет. Только досада из-за невовремя сказанных, невыгодных сейчас слов.

Во мне резко и оглушительно вскипает обида, в груди что-то взрывается и бьет в голову, отрезая связь между речевой функцией и сознательностью, и я срываюсь:

– То есть, если я решилась на брак без любви, так все – не котируюсь за привлекательную женщину? А что насчет тебя в таком случае? – Мои вопросы преисполнены язвительности. – Или как обычно в патриархальном мире уже есть оправдание, восхваляющее самца? Что ты там мне плел тогда в кафе? Истерики тебе надоели? И, – я делаю истерично-насмешливую паузу и картинно морщусь, – дай вспомнить... Требовательные «соски» еще там были, да? Джентльмен ты мой. Мистер рациональность. Так вот, – теперь я почти кричу, пусть и шепотом: – Иди к черту. Я не хочу и дальше жить с куском льда под боком, мнящим себя почетным призом для женщин.

– Что за дичь ты сейчас несешь? – спрашивает Антон холодно, выплевывая слова через сжатые зубы.

Мы снова встречаемся взглядами, и на миг я, кажется, успеваю побывать в роли сказочной Герды: мне теперь наверняка известно, как больно смотреть в глаза заколдован-

ному Каю.

– Правду, Антон, – отвечаю я устало, но не без язвительности. – Я «несу» правду. Не беспокойся, через полчаса меня здесь не будет. И правды – тоже.

Быть может, ссора выматывает каждого из нас, но остановиться уже не получается. Стоя в разных концах комнаты, мы продолжаем попытки задеть друг друга, вбрасывая в воздух бессмысленные фразы с заведомо наполненным упреками подтекстом.

– Вот уж от тебя не ожидал подобной херни, – заявляет Антон грубо и чертыхается, а после с видом оскорбленной добродетели, решившейся на самоотверженный акт милосердия, уточняет: – Не желаешь успокоиться и поговорить утром?

– Нет. – После сказанного им недавно развод кажется особенно верным выходом из сложившейся ситуации. Для меня так точно. – Я уже все обдумала.

– Ну и дура. – Выплюнутое напряженными губами оскорбление обходится мне новым спазмом боли в области груди. – По хрен, – Антон резко взмахивает руками, словно в порыве желания что-нибудь ударить, но до любой твердой поверхности все равно не меньше метра, и движение остается пустым. – Делай что хочешь. Не ной потом.

– Не буду, – бросаю я в ответ и, развернувшись, иду в спальню, не желая больше ничего слышать. – Можем не волноваться.

К счастью, за моей спиной не раздаются шаги. В комнате я наконец могу побыть одна.

Дышать становится легче, тело чуть расслабляется, получив шанс выпустить из себя хотя бы часть накопленной боли. Согнувшись, я опираюсь локтями о кровать и головой врезаюсь в упругий матрас. Плечи прижимаются к ушам, заглушая звуки вокруг и мечтая заодно отключить громкость на канале мыслей.

Мне хочется кричать, но я не могу. Не потому что намеренно себя сдерживаю – нет, именно физически не могу. Ни сейчас, когда за стеной Антон, ни наедине с собой.

Рвущийся наружу вопль нарастает внутри, распирает ребра, давит на органы и сосуды, но ему не под силу преодолеть незримый барьер сопротивления. Моя боль сейчас запредельна и нестерпима, и избавиться от нее невозможно. Остается лишь смиренно переждать, когда закончится этот эмоциональный штопор[1].

Отдышавшись, я выпрямляюсь и иду к раздвижному плательному шкафу. Разложив на кровати маленький чемодан, я спешно и бессистемно собираю одежду и другие нужные вещи.

Мне слышно, как Антон чем-то ужасно грохочет на кухне, перемежая звон ударяющихся о столешницу тарелок и кастрюль ругательствами особого порядка – в моем присутствии он подобного себе не позволяет... Не позволял. Его ярость ощутима сквозь стены и закрытую наглухо дверь, но

я стараюсь абстрагироваться, отстраниться от происходящего и к ближе к концу сборов достигаю некоторого успеха. Достаточного, что не заметить появления Антона на пороге спальни.

– Ну и куда ты пойдешь посреди ночи? – интересуется он безразличным тоном, и я, вздрогнув всем телом, на секунду оборачиваюсь и натыкаюсь на его пристальный, гневный взгляд.

– Я сняла квартиру. – Мои руки вновь заняты укладыванием одежды в чемодан, на Антона я больше не смотрю.

Он презрительно фыркает.

– Вот как.

– Да, – я киваю, игнорируя насмешку, застегиваю чемодан и хватаю тот за ручку. – Такси уже ждет. Я пойду.

– Так и не снизойдешь до объяснений своего «обдуманного решения»?

– Не считаю нужным. – Я приближаюсь к дверному проему, но Антон не двигается с места.

– А я не считаю нужным разводиться, – сообщает он, игнорируя мои попытки его обойти.

Очевидно, что Антон уже совершенно открыто не дает мне покинуть спальню, заняв собой пространство от одного косяка до другого.

На секунду я закрываю глаза, стараясь вернуть контроль над эмоциями, и пытаюсь дышать глубже и ровнее. Безобразный скандал маячит на горизонте, подергивая за струны мою

нервную систему и поторапливая скорее начать концерт. Однако мне хочется уйти достойно. Не потеряв лица и не утратив достоинства.

– Обсудим формальности позже, – произношу я на рваном выдохе и снова делаю шаг вперед. – Сейчас меня ждет такси.

Антон движется следом, как маятник.

– А я жду объяснений.

– Просто... Дай мне уйти.

– Что, – спрашивает он едко, – уже и стоять рядом со мной не можешь? Быстро тебя перемкнуло.

– Просто. Дай. Мне. Пройти.

– А если не дам?

– Дай мне пройти! – теперь я кричу. – Тебе все по боку, что ты пристал ко мне сейчас? Я много прошу?! – Возможно, я уже плачу, не знаю, не могу понять. – Просто дай мне пройти! – Толкнув Антона то ли в грудь, то ли в живот – не разобрать, – я вылетаю из спальни, с противным скрежетом задевая пластиковым чемоданом дверь.

Я хочу уйти.

Мне необходимо отсюда уйти.

Сию же секунду.

[1] Здесь: фигура высшего пилотажа.

Глава 10

На самом деле я не вызывала никакого такси – не успела.

Из подъезда я выскакиваю с чемоданом наперевес, расхристанная, без шапки и шарфа, в одном пальто и легких кроссовках на босу ногу. За спиной пищит магнитная дверь, во дворе не души, и оттого жутко.

Ноябрьская ночь встречает меня ледяным порывистым ветром и беспроглядной тьмой, которой нипочем слабый свет местных фонарей. Руки трясутся настолько, что телефон едва не вываливается из хватки пальцев, зубы перестукиваются, словно решили сплясать чечетку, и мне ужасно, просто до слез холодно и плохо.

Спустя пару минут я наконец умудряюсь вызвать такси и замираю в ожидании. Десять минут. Всего лишь десять минут, и я попаду в тепло машины, а после – новой квартиры. Надо только потерпеть.

Добротное шерстяное пальто, накинутое на тонкую футболку и джинсы, совершенно не греет. Меня колотит. То ли от минусовой температуры окружающей среды, то ли от зарождающейся внутри истерики. Жаль, очень жаль, что я глупо выскочила из подъезда, не догадавшись перекантоваться там до прибытия такси.

Назад, к сожалению, хода нет – ключи с собой я не взяла, хотя в квартире Антона осталось достаточно моих вещей.

Не представляю, как смогу за ними вернуться. Сейчас новая встреча с мужем кажется мне чем-то нереальным, почти оскорбительно-невыносимым и унижительным.

На мое счастье такси приезжает на три минуты раньше. Водитель неохотно выходит из машины, чтобы помочь мне с чемоданом, и я с радостью избавляюсь от тяжелой ноши.

— Куда ж вы на ночь глядя? — спрашивает он беспардонно и с капелькой недовольства в голосе. — Вроде не в аэропорт едем.

— Домой, — бросаю я резко и сажусь в машину, где меня ждет еще одно, помимо разговорчивого и недружелюбного таксиста, разочарование.

Зря мне мечталось о тепле в салоне: ничего подобного. Печка выключена, сидения кажутся ледяными, а изо рта идет пар.

— Не могли бы вы включить подогрев? — прошу я, когда автомобиль двигается с места.

— Замерзли, что ли? — спрашивает водитель сомневающимся и намеренно обесценивающим тоном.

— Да, замерзла. — Настойчивости мне сейчас не занимать. Я злая, голодная и продрогшая до костей, соответственно, терпимости к людским грубости и глупости во мне минимум и крайне нестабильный. По правде говоря, я в шаге от скандала — только дайте повод.

Водитель, однако, решает не спорить и включает печку. Стоит поблагодарить раздел «оценка водителя» в приложе-

нии. Наверное, только он и мотивирует некоторых из них хотя бы после пинка вспоминать о таком понятии как «клиентский сервис».

– Переезжаете? – интересуется Владимир спустя несколько минут блаженного молчания.

– Угу.

– А что ж так мало вещей? – Он качает головой и смеется. – Вы же девушка! Грузовик вызвать не забыли?

Мне хочется нагрубить, но сил на словесную перепалку нет. Да и бессмысленно это: я знаю, что затевать диспут с тем, кто целиком и полностью живет во власти ярлыков, бесполезно.

Плевать этот Владимир-четыре-звезды на меня хотел. Его бестактные вопросы – лишь способ убедиться в том, что существующие в его закоряченном сознании стереотипы верны. Для него в порядке вещей считать всех девушек бархольщицами и свято верить в уместность подобных замечаний.

Если ближе к окончанию поездки он пожелает уточнить у меня удачный поворот к подъезду, несмотря на наличие навигатора, чтобы после сказать что-нибудь вроде: «Ну да, вы же девушка, не ориентируетесь совсем», – я ничуть не удивлюсь.

Ехала я однажды с водителем, прочитавшем мне напоследок лекцию о месте женщины на кухне и неспособности водить машину. Тот факт, что сам он не в силах проехать по

маршруту из навигатора, его, разумеется, не смутил.

Тогда, кажется, тоже был какой-то паршивый день. В трудные минуты мне всегда везет на ужасных таксистов. Впрочем, стоит признать, в этом есть своеобразный толк: за-циклившись на поведении водителя, я всю дорогу не думала об Антоне.

И на том спасибо.

Новой квартире нечем меня удивить. Она кажется необжитой и чуточку запущенной, но в целом обещает быть хорошим пристанищем. По опыту прежних лет я знаю, что скоро перестану воспринимать снятое жилье как чужое. Привыкнув к этим стенам и мебели, однажды я забуду с бросить безразличный взгляд на старые пятна на обивке дивана и кухонных стульев, а главное: уже не буду, как сейчас, чувствовать себя ужасно одинокой.

Чемодан стоит в прихожей, я же брожу по квартире и включаю свет в каждой комнате: гостиной, ванной, кухне, — стараясь разогнать наступающую со всех сторон тоску. Дом довольно старый, качественной постройки; стены здесь толстые и звуконепроницаемые, потому мое одиночество особенно сильно: не слышны ни звуки соседских разговоров, ни галдеж телевизора, ни собачий лай. Раньше мне доводилось снимать квартиры, в которых производимый чужими жизнями шум волей-неволей проникал и в мою уединенную келью; под аккомпанемент чужого присутствия ночи коротать было легче.

В нынешней непривычной тишине рыдать от жалости к себе хочется особенно остро. Вокруг пусто и неуютно, а в чемодане лежит минимум необходимых вещей – ничего, что помогло бы превратить эту квартиру в настоящий дом за пару часов. Устало вздохнув, я осматриваясь уже внимательнее, чтобы понять, сколь многое мне предстоит купить, но сосредоточиться на бытовых проблемах не получается. Остается только признать поражение и пойти наконец в душ.

Горячая вода приводит меня в чувства и возвращает капельку бодрости. Натянув на себя теплый свитер и растянутые за долгие годы носки спортивные брюки, я забираюсь на диван в гостиной. Включаю телевизор, не в силах терпеть тишину, и берусь за телефон.

От Антона нет ни сообщения, ни звонка. Ожидаемо, но все-таки в глубине души разрастается глупая обида, как будто я не по собственной инициативе ушла от мужа, а без предупреждения не вернулась домой ночевать. Уверена, что в последнем случае Антон искал бы меня по всей столице, поставив на уши все службы и органы. Чего у него не отнять, так целеустремленности и ответственности.

Можно подумать, что его поступки продиктованы эмоциями, но я уже давно поняла, что Антон действительно руководствуется в своих решениях только разумными принципами. «Кодексом» за его же авторством, где по графам многочисленных таблиц разнесены все виды действий во всех возможных ситуациях и проведена их классификация.

Первое время меня завораживали эти упорядоченность и принципиальность. Я и сама во многом была такой же, предпочитая осмысливать каждый свой выбор и понимать, по каким причинам его совершила. Однако между Антоном и мной была одна существенная разница: в моем уравнении чувства брались за переменные, а в его – нет.

Я далеко не сразу осознала, насколько тяжело жить с человеком, лишенным эмпатии как таковой. Правда, не думаю, что у моего мужа вовсе не развит эмоциональный интеллект, скорее – отключен за ненужностью. Причины мне неизвестны, только результат. Антон попросту игнорирует эмоции – свои и чужие, – не принимает их всерьез. В его мировоззрении они присутствуют как рудимент. Беспольный и неудобный.

Впрочем, игнор конечно выборочный, как я имела счастье сегодня убедиться. Со злостью у Антона, похоже, полный порядок. Можно в самом деле считать, что мне удалось-таки вывести его на эмоции.

Только бы прекратить очередной забег по замкнутому кругу, я берусь заказывать еду. Да, на часах за полночь, но голод точно не даст мне уснуть, – проверено в прошлом.

Помнится, в детстве я даже переживала, что во время серьезных потрясений не впадаю, как героини романов, в состояние полного равнодушия к физическим процессам организма. Вопреки художественным образам я едва ли могла надолго забыть о потребности в пище или необходимости

принять душ.

Не могла и уснуть, просто упав на кровать, не раздевшись и не почистив зубы. Иногда очень хотелось рухнуть на одеяло и отрубиться, но тревога достигала пика быстрее, чем ко мне успевал прийти сон.

В конце концов я оформляю два заказа – из пиццерии и круглосуточного супермаркета, избавляя себя от лишних волнений перед сборами на работу грядущим утром. Будет мне и кофе, и булочка на завтрак, и даже любимый шампунь для волос, который я умудрилась оставить у Антона.

За решением проблем быта проходит еще немного времени, но что делать теперь, непонятно. Мне не хочется снова погружаться на темное дно, но и отвлечься не на что. На экране мобильного висит пара десятков уведомлений из чатов с друзьями, но сил на общение со всеми сразу я в себе не нахожу. Однако поговорить с близким человеком мне нужно. Очень.

Почти на одной мышечной памяти я за секунду нахожу нужный диалог и пишу:

«Я ушла от Антона».

Ответ не заставляет себя ждать. Я знала, что Таня наверняка не спит и вполне вероятно дежурит.

«Как ушла?! Совсем?»

«Да», – печатаю я мгновенно, хорошо понимая, что надвигается полноценный допрос: о моем решении уйти не знало ни души.

«Что случилось? Вы поругались? Ты вообще где?»

Вот и началось. Не успеваю я коснуться экрана, как следом прилетает:

«Блин, не могу пока даже позвонить: у нас целый холл пациентов в очереди, не отойдешь».

«Ничего. Я сняла квартиру. Завтра сделаю фото, покажу».

«Так, лаадно, ты хотя бы не на улице посреди ночи. Но с Антоном-то что? Чего я не знаю?»

Я грустно улыбаюсь. Несколько месяцев назад мы с Таней обсуждали мои чувства к мужу, я даже взяла на заметку пару ее рекомендаций по соблазнению, но с августа многое изменилось.

«Да ты в принципе все знаешь. Я его люблю, а он меня – нет. Вот и вся наша проблема».

Таня молчит около минуты. Или занята новыми пациентами, или размышляет над ответным посланием.

«Не понимаю. Разве Антон куда-то захотел от тебя уйти? Ты вроде собиралась его покорить раз и навсегда, а?»

«Собиралась, – признаю я и часто-часто моргаю, когда к глазам подступают слезы. – Но толку от моих попыток не вышло, а больше я так не могу, правда. Ждать чего-то или бояться, что однажды его все-таки торкнет, только не от меня. Что бы они ни обещал мне сейчас, я сама не стала бы его держать в таком случае. Я не садист».

«Может, стоило еще немного подождать? Вы же хорошо жили».

«Нет. Не могу, Тань. Больше не могу. Если мужчина не полюбил сразу, он уже и не полюбит».

Глава 11

Утренний подъем дается мне нелегко. С трудом оторвав голову от подушки, я выключаю будильник на телефоне и плотнее закутываюсь в одеяло. В комнате прохладно, за окном привычная серость, после одного взгляда на которую хочется снова уснуть, желательно до самой весны.

Набравшись мужества, я все-таки слезаю с дивана и сбрасываю с себя покрывало. Долго стою под горячими струями воды и, лишь достаточно согревшись, решаюсь на контрастный душ, – мне требуется взбодриться и вернуть ясность ума.

О том, что ночью мы до трех проговорили с Таней по телефону, когда она наконец смогла мне позвонить, я не жалею. Разделив свои тревоги и переживания с другим человеком, я словно обрела под ногами потерянную прежде почву. Похоже, мне важно было убедиться, что мои решения действительно разумны и не лишены смысла.

К тому же в диалоге я получила возможность взглянуть на наши с Антоном отношения со стороны. Иногда, зачастую совершенно не намеренно, Таня обращала внимание на детали, давно превратившиеся в моем сознании в незначительную рутину.

Если ее удивляло, что мы с Антоном никогда не общались с друзьями друг друга, то меня нет. Я привыкла к тому, что

наши жизни вне квартиры пересекаются нечасто.

Если для Тани мои рассуждения о собственной непривлекательности звучали как полная чушь, то мне они давно казалась правдой. После нескольких попыток расшевелить Антона, привлечь его внимание к себе хотя бы в физическом плане, я, стоило признать, всерьез разуверилась в том, что могу вызывать у мужчин сильные желания и чувства.

По правде говоря, в моей голове, не вызывая ничего, кроме равнодушия, уже месяцами крутилась одна и та же мысль: я ни на что не гожусь как женщина. Даже маломальских сомнений в том, что мужчины не находят меня привлекательной, не осталось. Я определенно не являлась незабываемой женщиной, в сравнении с которой все остальные меркнут.

Конечно, мне хотелось такой стать: манящей, соблазнительной, завораживающей и желанной. Не для всех мужчин на свете, но для одного конкретного. Чтобы он хотел только меня, чтобы другие казались ему не теми, чтобы мои прикосновения и голос отзывались в нем по-особенному, чтобы секс со мной вышел за пределы тривиальной физиологии. Но... Увы.

В ответ Таня, не стесняясь в выражениях, полночи вправляла мне мозги, умудрившись припомнить мои же слова о том, как важно не терять себя в отношениях и ценить свою уникальность, давностью в пару лет.

В прошлом я действительно куда меньше страдала неуверенностью. Понимала, конечно, что не модельная красotka,

но вместе с тем всегда могла сказать, что во мне есть особенного и неповторимого. Я никогда не жила иллюзией, будто бы идеальность гарантирует любовь и счастье в личной жизни.

Если хорошо поразмыслить, то вывод напрашивается прямо противоположный, ведь чем меньше личность из себя представляет, тем, как правило, меньше ждет от других. Когда не ищешь совпадения в моральных принципах и интеллекте, когда не нуждаешься в долгих беседах по душам и остроумных спорах, достаточно занять рядом более-менее симпатичного партнера и зажить по стандартной схеме «дом – работа – дом», втиснув в пробелах рождение детей и ипотеку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.